

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

УДК 93:(378.4+342.727)

И.М. Могилевич

Вторая Санкт-Петербургская гимназия,
190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Некоторые неизвестные сюжеты «разбора» Санкт-Петербургского университета 1820-х гг.

Обсуждены неизвестные сюжеты «разбора» Санкт-Петербургского Императорского университета, произведенного чиновниками Министерства духовных дел и народного просвещения в 1821–1822 гг.: несогласие профессора Э.Б. Раупаха с предъявленными ему обвинениями; юридическое возражение профессора П.Д. Лодия на планы прекратить преподавание философских наук; протест журналиста П.И. Кеппена против предъявленных ему обвинений; участие А.С. Шишкова и А.Ф.К. Вюртембергского в возвращении прав исключенным студентам. Выявленные документы являют примеры противостояния известным контрреформам в области образования, начавшимся в 1820-е гг. После «разбора» и увольнений в учебном заведении установилась атмосфера подавленности и неуверенности и последовали крупные хищения университетского бюджета чиновниками министерства. Выявлены некоторые общие приемы проведения репрессий чиновниками министерства просвещения XIX в. и массовых репрессий, проведенных век спустя.

Ключевые слова: А.Ф.К. Вюртембергский, П.И. Кеппен, П.Д. Лодий, М.Л. Магницкий, М.Г. Плисов, Э.Б. Раупах, Д.П. Рунич, А.С. Шишков, петербургская гимназия, благородный пансион при Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургский Императорский университет, Санкт-Петербургский университет

© Могилевич И.М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Могилевич И.М. Некоторые неизвестные сюжеты «разбора» Санкт-Петербургского университета 1820-хгг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 3. С. 36–56. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

I.M. Mogilevich

Second St. Petersburg Gymnasium,
St. Petersburg, 190000, Russian Federation

Some unknown subjects of St. Petersburg University “inquisition” in 1821

The article discusses three unknown subjects of St. Petersburg University “inquisition”, carried out by the officials of the Public Education Ministry in 1821–1822. The first is Professor E.B. Raupach’s disagreement with the accusations; the second are Professor Peter D. Lodij’s legal objections to stop teaching philosophy and journalist P.I. Keppen’s protest against obscurant accusations of his publications; the third is the participation of Alexander S. Shishkov and A.F.K. von Württemberg in returning the rights of the expelled students. The displayed documents are the examples of opposition to well-known counter-reforms in education that began in the 1820s. After the ‘inquisition’ (with the discharges for ideological reasons), the ministry’s officials provided large-scale thefts of the university budget. Some common methods of carrying out repressions by officials of the Public Education Ministry in the 19th century and mass repressions carried out a century later have been identified.

Key words: Alexander Friedrich Karl von Württemberg, P.I. Keppen, Peter D. Lodij, Mikhail Magnitski, Moisey G. Plisov, Ernst Benjamin Salomo Raupach, Dmitry P. Runich, Alexander S. Shishkov, St. Petersburg Gymnasium, Noble Boarding School at St. Petersburg University, Saint Petersburg University, Saint Petersburg Imperial University

FOR CITATION: Mogilevich I.M. Some unknown subjects of St. Petersburg University "inquisition" in 1821. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 36–56. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-3-36-56

«Разбор» Санкт-Петербургского университета в 1821 г. обсуждают уже более двух веков, а впервые публично о нем упомянули только четверть века спустя после события: «странное открылось зрелище по случаю столь известного недоразумения между начальством университета и его профессорами» [11, с. 13]. В 1866 г. опубликовали важные документы, включая письменные объяснения обвиненных профессоров¹; их публикация была повторена и расширена в 1889 г.² Тогда же предположили, что причиной «разбора» стал перелом во взглядах императора Александра I (1777–1825): его разочарование в европейском просвещении, убеждение в своем избранничестве, экуменические планы императора и мечты о возвращении раннего христианства. Убийство в марте 1819 г. немецким студентом писателя и русского агента А. Коцебу (1761–1819) якобы подкрепило недоверие императора к просвещению и его институтам и стало триггером для сотрудников центрального аппарата Министерства народного просвещения для «разбора» Казанского университета в 1819 г. и последовавших гонений на учебные заведения и программы [12, с. 166–168, 185–186]. Словом, это было решением императора.

Эта точка зрения вызывает возражения. Уже некоторые пострадавшие от «разбора» иначе осознавали его причины. Профессор Университета П.Д. Лодий (1764–1829) заметил, что «колеблющаяся нравственность Г. Магницкого» скрывает его намерение «заступить за старых чиновников, которым не под силу сдать экзамен³, ...под видом защитника Церкви»⁴.

Многолетний исследователь этой темы Т.Н. Жуковская большое значение придала скрытой борьбе в Министерстве народного просвещения (назначенного в 1817 г. на пост министра А.Н. Голицына (1773–1844) и амбициозного зятя прежнего министра, с 1811 г. по май

¹ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 100–101.

² Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 271–394.

³ Имеется в виду экзамен по указу от 6 августа 1809 г. для чиновников без дипломов, претендующих на чины 8 и 5 классов Табели о рангах.

⁴ Письмо П. Лодия министру Шишкову от 10 ноября 1825 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2310. Л. 9.

1821 г. занимавшего пост попечителя Петербургского учебного округа С.С. Уварова (1786–1855)) [5]. Уваров даже представлен противником «разбора», но этому нет документальных доказательств: два его письма императору от 18 и 20 ноября 1821 г. больше похожи на самооправдание⁵ и желание указать на ответственность самого министра⁶.

Позднее Т.Н. Жуковская определила «разбор» как элемент контрреформ [3]. Действительно, неизбежное после любого социального сдвига последующее «отступление» сильнее всего проявилось именно в сфере, где преобразования произошли наиболее широко и глубоко; для Александровских министерских реформ этой областью было просвещение.

К коллизиям «разбора» неоднократно возвращались и советские историки, используя возможность легко показать реакционность царского режима. Во времена отказа от многих исторических постулатов советского периода к «разбору» Санкт-Петербургского университета обратились вновь. Были высказаны альтернативные взгляды на «разбор» и на действия его участников [1]. В нескольких работах указано на образцовую службу примерного чиновника Д.П. Рунича (1778–1860), без раздумий точно исполнявшего приказание начальства [2]. В другой работе [4] подоплеку «разбора» объяснили столкновением преподавателей-иностранцев и россиян. (Привкус квасного патриотизма, действительно, присутствовал в «разборе». Адъютант географии и статистики К.И. Арсеньев (1789–1865) был обвинен и уволен после того, как отказался от предложения директора университета Д.А. Кавелина (1778–1851) обличить профессора К.Ф. Германа (1767–1838). А профессора А.И. Галича (1783–1848) поносили особенно ожесточенно за то, что он, русский, оказался в компании иностранцев и «каких ругательств не говорил он (Д.П. Рунич. – *И.М.*) при сем случае на счет всех иностранцев, в России пребывающих...»⁷.)

Между тем некоторые важные сюжеты «разбора» оставлены без внимания и среди них – сопротивление атакам из Министерства народного просвещения. Полезно остановиться на трех примерах: на попытке профессора университета указать на незаконность «разбора» и выигранном споре чиновника Министерства народного просвещения со своим

⁵ Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 378–386.

⁶ По делу профессоров Санкт-Петербургского университета: Германа, Арсеньева, Раупах и Галича, а также по поводу столкновения профессора Плисова с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Руничем на частном испытании по естественному праву в Санкт-Петербургской губернской гимназии на почве способа преподавания // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4872. Л. 4.

⁷ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 30–31.

руководством; на аргументированном отклонении предъявленных обвинений одним из уволенных профессоров; на восстановлении прав незаконно исключенных студентов.

Восстановление прав исключенных студентов: 1822–1827 гг.

«Разобравшись» в конце 1821 г. с профессорами, летом 1822 г. Рунич принялся за «разбор» казеннокоштных студентов Университета, включая выпускников [1, с. 87–91]. Он, руководствуясь мнением директора Санкт-Петербургского университета Д.А. Кавелина, составил таблицу «качеств» каждого учащегося: «академическая успеваемость», «нравственность» (имелась в виду политическая) и «поведение». Исключены были 42% из 121 казеннокоштного студента университета⁸. Связанный с университетом Благородный пансион, в котором жили и учились дворянские подростки, стал таять на глазах: в 1817 г. в нем было 140 учащихся, через месяц после «разбора» остались 104, а в 1825 г. – только 51⁹.

Еще более красноречиво о последовавшем после «разбора» кризисе Санкт-Петербургского университета говорит не абсолютное число его студентов, а их «удельный вес» в его численном составе (отношение числа студентов к числу студентов, преподавателей и администрации) (табл. 1). После «разбора» студенты составили 45% в Санкт-Петербургском университете; в других университетах, как видно из таблицы 1, этот показатель был значительно выше (от 86 до 93%). Переживший «разбор» в 1819 г. Казанский университет по этому показателю (63%) ближе к Петербургскому. Казанский университет пострадал сильнее Петербургского. Его покинули не только часть студентов, но и преподавателей: соотношение педагогов/чиновники в 1824 г. в Петербурге составляло 1,6, а в Казани – 1,0! Сближало два последних из упомянутых университетов не только министерский «разбор», но и колоссальные хищения, произведенные попечителями их учебных округов (Руничем и Магницким соответственно). Как показало последовавшее расследование, Рунич четыре года после «разбора» буквально обирал

⁸ О произведенном попечителем Пб. уч. Округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Пб. университета, лишении части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемости и политической неблагонадежности и о рассмотрении ходатайств уволенных, о восстановлении их в правах // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 5 об.

⁹ Записка о состоянии петербургского Высшего училища и Благородного университетского пансиона // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 3. № 71. Л. 3, 3 об.

Санкт-Петербургский университет¹⁰. Не являлся ли организованный им психологический террор завесой для последующего воровства? Существовавший тогда контроль Советов университета за некоторыми действиями попечителей округов был сдерживающим фактором и сильно раздражал и невороватых чиновников от просвещения, полагавших, что «система народного просвещения необходимо должна быть применена к системе правительства»¹¹, т.е. автократии.

Таблица 1

**Сопоставление состояния
некоторых русских университетов в 1824 г.**

	Петербург	Москва	Казань	Вильна	Дерпт	Харьков
Число студентов университета, чел.	51*	820	118	976	365	409
Доля студентов от общего числа студентов, преподавателей и администрации университета, %	45	90	63	92	86	93
Год «разбора» университета	1821	–	1819	–	–	–
Население города, в котором находился университет, тыс. чел.	430	240	40	43	8,5	20

* В Петербургском университете отсутствовал медицинский факультет из-за нахождения в городе Военно-хирургической академии, в которой в это время было около 200 слушателей [8, с. 61].

Сведения приведены по: Ведомость о состоянии учебных заведений по ведомству Департамента народного просвещения // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1825. Кн. 1. С. 331–386.

Нам представляется, что именно процесс восстановления прав незаконно исключенных студентов ярче всего отразил неготовность тогдашнего столичного общества поддержать гонения на образование,

¹⁰ Дело о самовольных и противозаконных распоряжениях исполняющего должность попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Рунича по расходованию денежных средств и ведению хозяйственных операций, на общую сумму 185 133 рублей, и о привлечении его к судебной ответственности // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 13. Л. 1–85.

¹¹ Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского о народном просвещении в России // Там же. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4698. Л. 1 об.

и 1825 г. стал переломным в этом противостоянии. В мае 1824 г. последовали увольнение министра А.Н. Голицына и назначение на этот пост А.С. Шишкова (1754–1841)¹². Точно неизвестно когда (кроме года, 1824) начальник Главного управления путей сообщения герцог А.Ф.К. Вюртембергский (1771–1833), будучи неизменно доволен дежурствами одного из своих чиновников (Павла Теряева, исключенного студента физико-математического факультета, планировавшего после выпуска готовиться к профессорскому званию), вник в детали его жизненных обстоятельств (вместо уставного 9-го классного чина универсанта Теряев получил только 12-й). Герцог усмотрел в этом нарушение и, будучи дядей императора, сумел Высочайшим распоряжением вернуть Теряеву положенный чин.

Когда по следам Теряева его товарищ тоже решил восстановить справедливость, его прошение, следовавшее нормальным бюрократическим производством, не было поддержано Комитетом министров. Тут, в июне 1825 г., в дело вступил уже новый министр Шишков и указал на юридическую невозможность аналогичные дела рассудить противоположным образом. Осенью 1825 г. с просьбой восстановить чин 9-го класса и указанием на прецедент Теряева на Высочайшее имя обратился еще один уволенный студент-юрист. В конце 1825 – начале 1826 гг. властям было не до студентов и университетов. Но, судя по тематике дел Собственной Е.И.В. канцелярии, новый император стал вникать в вопросы образования весной 1826 г. В конце этого года министр Шишков стал запрашивать характеристики исключенных Руничем студентов и поддерживать их прошения на Высочайшее имя.

Весь 1827 г., одно за другим, шли и удовлетворялись прошения незаконно лишенных прав на чин¹³. Выяснилось, что даже уволенные не за «неблагонадежность», а за «академическую неуспеваемость» были оболганы, т.к. их оценки в «судной» ведомости были занижены по сравнению с экзаменационными¹⁴. В своих прошениях все несправедливо уволенные излагали обстоятельства очень сдержанно и почтительно-просительно; только у одного, которому пришлось особенно тяжело (трудился канцеляристом со 100-рублевым годовым жалованьем),

¹² Высочайший указ от 15 мая 1824 г. // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1825. Кн. 1. С. 18.

¹³ О произведенном попечителем Пб. уч. Округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Пб. университета, лишении части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемости и политической неблагонадежности и о рассмотрении ходатайств уволенных, о восстановлении их в правах // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 44–102.

¹⁴ Там же. Л. 108–110.

вырвался упрек: «...по клевете и видам <...> Видя себя совершенно обиженным и сожалея о потере столь значительного времени»¹⁵.

В конце 1827 г. Шишков обобщил в письме к императору: «сделанный в 1822 году разбор студентов... произведен был, по всему кажется, слишком поспешно, и не довольно основательно, что еще более подтверждается ...явными противуречиями...»¹⁶. Надо заметить, что Шишков был консервативен, полагал возможным поручать иностранцам преподавание только специальных предметов, ратовал за ужесточение цензуры и в феврале 1822 г., когда итоги «разбора» профессоров рассматривал Комитет министров, поддержал обвинения: «Учителя, поучаясь сами думать и писать обо всем свободно, или, лучше сказать, рассуждать и умствовать дерзко, не соображаясь ни с какими общими правилами, ниже с нравочениями веры, тому же научат и учеников своих»¹⁷. Не следует ли из этого, что заботу Шишкова о восстановлении прав исключенных студентов питала его человечность?

Лодий и Кеппен против Магницкого: 1825 г.

Попытку противостояния кампании М.Л. Магницкого (1778–1844) и Рунича сделал профессор философии П.Д. Лодий. В разгар «разбора» Санкт-Петербургского университета министр Голицын внес на рассмотрение императора предложение «о прекращении преподавания философских наук». Император пожелал выяснить, как с этим предметом обходятся в Европе, особенно во Франции.

В мае 1825 г. уже новый министр (Шишков), получив это дело как «длежащее», через полгода попытался коллегиально завершить его. Всевозможные справки были собраны. В их число входили: две записки Магницкого (от 18 февраля 1823 г.¹⁸ о прекращении преподавания философских наук по всей Европе; от 9 мая 1823 г.¹⁹ с критикой учебника логики, составленной профессором Московского университета

¹⁵ О произведенном попечителем Пб. уч. Округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Пб. университета, лишении части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемости и политической неблагонадежности и о рассмотрении ходатайств уволенных, о восстановлении их в правах // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 107.

¹⁶ Там же. Л. 164.

¹⁷ Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 386–390.

¹⁸ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 3. № 6. Л. 3 об. – 4 об.

¹⁹ Там же. Л. 4 об. – 6 об.

И.И. Давыдовым (1792–1863)²⁰, его же учебника истории философии²¹, книги профессора Санкт-Петербургского университета Галича по тому же предмету²²). Из содержания этих записок следовало, что философию в европейских университетах не преподают, и доказывалось, что «философия есть иллюминатизм под другим именем»²³, а в упомянутых русских учебниках изложено учение Шеллинга, «которое привязывает священные догматы о Троице ко Вселенной, Природе и духу»²⁴.

Третьим документом «философского» дела Главного правления училищ были ноты его члена А.И. Лавалея (1761–1846) от 9 июня, 16 ноября 1823 г. и 16 января 1825 г. о текущем порядке преподавании философии в средних и высших учебных заведениях Франции²⁵. Еще одна записка Магницкого (без даты)²⁶ отрицала факты, изложенные Лавалем, и настаивала на запрещении преподавания не только новейшей философии, но и философских систем XVII–XVIII вв. Завершала дело справка о содержании уставов всех российских университетов, касающихся программ философских дисциплин и сведения об источниках преподавания этих дисциплин в России. Согласно ей, наблюдались сильные различия в преподавании философии²⁷.

Рассматриваемые в заседании Главного правления училищ материалы были отпечатаны, и один экземпляр стал известен профессору Лодию и вызвал его протест. Почти невероятно, что это произошло случайно; убедительнее выглядит предположение, что к 61-летнему профессору с 38-летним стажем преподавания предмета обратился кто-то из «новых» чиновников министра Шишкова. «Долг совести и присяга» заставили Лодия указать на действия, которые «могут иметь вредные

²⁰ Давыдов И.И. Начальные основания логики: Для благородных воспитанников Университетского пансиона. М., 1821.

²¹ Давыдов И.И. Опыт руководства к истории философии. Для благородных воспитанников Университетского пансиона. М., 1820.

²² Галич А.И. История философских систем. По иностранным руководствам, составленная и изданная Главного педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем. В двух книгах. СПб., 1818–1819.

²³ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 3. № 6. Л. 4 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 3. № 6. Л. 16 об. – 22 об., 24 об. – 26 об.

²⁶ Там же. Л. 23 об. – 24.

²⁷ Там же. Л. 26 об. – 33.

последствия для всего народного просвещения в России, в противность Высочайше утвержденным постановлениям»²⁸. Далее на 18 страницах Лодий противопоставил доводам Магницкого существующие в России акты об образовании и указы императоров. (То есть, избегая философской критики обскурантизма, Лодий полемизировал как юрист.)

Так, Сенатский указ 24 января 1808 г. с перечислением наук, входящих в необходимый для получения чина 8 класса экзамен для лиц без дипломов, он сопоставил с перечнем, названным гонителем наук «иллюминатизмом, франк-масонством, шеллингианицизмом»²⁹. Магницкий аргументировал вред университетов и народного образования тем, что страны, где поддерживали эти институции, лишились тронов (государства Италии, Испания, Португалия). Лодий указал на пример Петра I и Екатерины II, введивших учение о гражданском праве даже в учебники для народных школ. Видимо, Лодию было тесно в рамках синкретизма, и он порой прибегал к инструментам логики. Ведь «злое действие с вещью не делает ее злою»; по логике оппонента, надо запретить и Св. Писание, потому что некоторые люди, читавшие его, отступили от церковных догматов и сделали раскол³⁰.

Разбирая градацию наук по Магницкому: более вредные (практическая философия, естественные и политические науки, экономия, изящные науки, свободные художества и языки) и менее вредные (избранные места из Библии, Сенеки, Марка Аврелия, Конфуция) – Лодий сделал печальный вывод: остается чтение и письмо, заучивание часослова и псалтыри³¹. Такой взгляд на содержание преподаваемых наук не был диким мнением нескольких чинов Министерства народного просвещения: попечитель Харьковского учебного округа (в будущем писатель Антоний Погорельский) также полагал приглашать европейских профессоров «только положительных и точных наук, а появление ...Кантов и Фихте совершенно излишне»³². Так что профессор Лодий вовсе не сгустил краски: даже 30 лет спустя Рунич настаивал: «К просвещению должно было вести Евангелие и Вера! А не университеты!»³³.

²⁸ Письмо П. Лодия министру Шишкову от 10 ноября 1825 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2310. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2–2 об.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Там же. Л. 9.

³² Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского о народном просвещении в России // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4698. Л. 2.

³³ Статья Д.П. Рунича «Министерства в России» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 7. Л. 14.

Трудно судить о вере другого человека; еще труднее о вере того, кто более 10 лет был членом Библейского общества, на словах почитал Писание, но при этом регулярно расхищал данные ему в управление суммы³⁴, включая выделенные для оборудования гимназической церкви³⁵, и не питал уважения к сословию священников: «В казенно-коштные студенты университета поступали до сего ученики духовных семинарий совершеннолетние и редко доброе нравственное образование получившие. Часто многие из них приносили с собою развратные склонности и грубые нравы и навыки, от чего в Университете и происходили многие безобразные явления»³⁶.

Многолетнего руководителя столичным образованием не смутило, что именно бывшие семинаристы составляли основной контингент и педагогических, и медицинских учебных заведений России уже несколько десятилетий! Впрочем, Рунич дешево ценил и саму жизнь человека. Четверть века спустя он негодовал из-за прекращения Крымской войны и предлагал продолжать ее еще десять лет; как он судил по потерям 1855 г., это потребует миллиона человек, которые у России имеются³⁷.

Все свои возражения Магницкому (по журналу Главного правления училищ) Лодий изложил в собственноручно написанном обращении к министру Шишкову 10 ноября 1825 г.³⁸ Сейчас этот документ находится в фонде М.М. Сперанского (1772–1839) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Но не только. Две писарские копии, без обращения и подписи, находятся в рукописном отделе Пушкинского дома³⁹.

³⁴ Письма Николая Жулковского к Д.П. Руничу. 1814–1817 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 44. Л. 9–10; Обвинение по рассмотрению отчета Строительного комитета СПб. ун-та правлением Императорского Санктпетербургского университета, Главного правления училищ // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 4. № 26.

³⁵ Дело по представлению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа об отпущенных Руничу 10 тысяч рублей на заготовление церковной утвари для гимназии и об отзыве Рунича по этому предмету... // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 109.

³⁶ Записка министру народного просвещения о состоянии университета, университетского благородного пансиона и училищ Петербургской губернии // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 3. № 72. Л. 18.

³⁷ Статья Д.П. Рунича «Министерства в России» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 7. Л. 14 об.

³⁸ Письмо П. Лодия министру Шишкову от 10 ноября 1825 г. // Там же. Ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2310.

³⁹ Выписка из журнала Главного правления училищ 9 января 1825 г. по поводу «Записки касательно вредного преподавания философских наук Магницкого» и Замечания и разбор «Записки Магницкого» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунич Д.П.). Оп. 3. № 6. 35–42 об.; Там же. (Архив А.В. Никитенко). № 18957.

Можно предположить, что полемику с Лодием чиновники Министерства народного просвещения собирались продолжить, для этого и скопировали его аргументы. Первый биограф Лодия В.М. Зверев [6; 7] располагал только этими неподписанными копиями и верно атрибутировал их в 1956 г.

Можно предположить, что министр Шишков, желая минимизировать вред «разбора» для незрелой системы государственного образования, обратился к Сперанскому. Тем более, что в ведомстве Сперанского (во II Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии) были трудоустроены (в Школе профессоров Российского права) уволенные из Санкт-Петербургского университета профессора А.П. Куницын (1783–1840), Арсеньев и Плисов. Сперанский был не только введен в ложу «Полярная звезда» профессорами М.А. Балугьянским (1769–1847) и Лодием [9, с. 6–18], но, как видно из посмертного поручения Лодия⁴⁰, был ему по-человечески близок. Сперанский мог рекомендовать Шишкову обратиться к Лодию для отыскания аргументов. Доводом, подтверждающим это предположение, может служить не только переполох, охвативший Рунича при появлении письма Лодия, но и та лютая ненависть, которую сохранял Рунич к Сперанскому и десятилетия спустя, в 1855 г.: «Сперанский хотел быть Кромвелем, Вашингтоном, Мирабо, Лафетом (Ж. Лафайетом. – И.М.), Мазаниелло (Т. Мазаньелло. – И.М.) и, наконец, нашим Донским Пугачевым»⁴¹.

Обремененный службой в двух учебных заведениях и болезнью, Лодий медленно составлял опровержение Магницкому. Параллельно Лодий готовил не формальные (как в письме Шишкову), а экзистенциальные возражения в статье «Рассуждение о происхождении четырех факультетов...»: «По мере развития наук все, что не могли отнести в медицине, богословию или правоведению, присоединяли к философии: история древностей, красноречие, языки, математика, физические науки»⁴²; «Науки богословские занимаются споспешествованием достижения благополучия душевного; врачебные – телесного, а правоведение – внешнего состояния нашего»⁴³; «Одна философия занимается тем, чем человек овладевает только разумом и без чего нет благополучия

⁴⁰ О смерти профессора Лодия и об определении вдове и детям его пенсионера // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 150. Л. 11–12 об.

⁴¹ Статья Д.П. Рунича «Министерства в России» // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656 (Рунич Д.П.). № 7. Л. 3 об.

⁴² П.Д. Лодий. «Рассуждение о происхождении четырех факультетов, составляющих университеты, о науках, в них преподаваемых и цели оных» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. (Архив А.В. Никитенко). № 19034. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 3.

душевного, телесного и внешнего согласия»⁴⁴; «Науки, составляющие философию, или 1) образуют ум человека, или 2) направляют его волю на полезное или полезные деяния. Ум образуют: логика и метафизика; чистая и прикладная математика; теоретическая и опытная физика; химия; всеобщая теория изящных наук и искусств; теория пиитики и риторики; естественная всеобщая история. <...> К воленправляющим наукам относят: всеобщую практическую философию; историю и географию...»⁴⁵.

К сожалению, эта работа Лодия окончена не была. По-видимому, у него случился инсульт: все его письма после ноября 1825 г. написаны писарской рукой, и только подпись в них – Лодия, и сделана она чрезвычайно коряво.

Пример противостояния пожилого и нездорового профессора своим начальникам был не единственным примером такого рода. П.И. Кеппен (1793–1864), будущий академик, в 1825 г. совмещал службу во Временном комитете по составлению уставов учебных заведений Министерства народного просвещения⁴⁶ с редактированием еженедельного журнала «Библиографические листы», в котором публиковал списки изданных в России книг и аннотации европейских научных и литературных новостей. В мае 1825 г. на три номера этого издания подал жалобу попечитель Казанского учебного округа Магницкий. Он обвинил Кеппена в искажении Святцев, жизнеописаний Св. Кирилла и Св. Мефодия и клевете на Святополка. Донос пошел сразу по двум направлениям: в Министерство народного просвещения и в управление Духовной цензуры. Кеппен сумел оправдаться, приводя аргументы как чисто формальные (указал на прохождение публикации через положенную цензуру), так и по сути нападок, написав подробный разбор всех обвинений, сводящихся к подтасовкам и искажениям. Кеппен был оправдан (Духовной цензурой, Правлением духовных училищ, митрополитами Киевским Евгением Болховитиновым и Петербургским Серафимом Глаголевским)⁴⁷.

Свое возмущение ложными обвинениями он выразил в резком письме своему министерскому начальству: «Как русский дворянин и как

⁴⁴ П.Д. Лодий. «Рассуждение о происхождении четырех факультетов, составляющих университеты, о науках, в них преподаваемых и цели оных» // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. (Архив А.В. Никитенко). № 19034. Л. 3 об.

⁴⁵ Там же. Л. 4 об. – 5.

⁴⁶ Формулярные списки членов АН, чиновников и служащих // Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 39/932. Л. 6 об.

⁴⁷ Переписка П.И. Кеппена и др. материалы по доносу на него Магницкого в 1825 г. // Там же. Ф. 30 (Кеппен П.И.). Оп. 1. Д. 503. Л. 1.

чиновник с 1806 года беспорочно продолжавший службу, не могу не огорчаться тем, что есть люди, старающиеся находить мнимое зло и в моих посильных трудах, подкрепленным одним только желанием быть полезным моему отечеству; желанием, которому я пожертвовал лучшими летами и всеми выгодами сей жизни, и которое побудило меня избрать службу, не доставляющую мне даже необходимого жалованья. Вместо всякого удовлетворенья, которого я почитал бы себя вправе требовать за нанесенную обиду, я прошу одной только милости (подчеркнуто в документе. – И.М.), состоящей в том, чтобы мне дозволено было напечатать здесь, или в чужих краях, как поданное на меня донесение, так и мои по оному объяснения...»⁴⁸. Если же министр этого не разрешит, ту же просьбу Кеппен собирался подать императору. Если и тот не позволит, то «...мне, почитая сие лишением моего последнего имущества – чести (подчеркнуто в документе. – И.М.), остается только всепокорнейше просить об исходатайствовании мне... дозволения на бессрочный выезд за границу...»⁴⁹. Документы по этому делу были напечатаны только в 1864 г.⁵⁰ и, как и документы по «разбору» Санкт-Петербургского университета, опубликовало их Общество истории и древностей российских при Московском университете.

Наверное, «юридическое» возражение профессора Лодия не показалось достаточно сильным для борьбы с гонителями просвещения; возможно, оно запоздало. В качестве оружия было выбрано сильнейшее средство чиновника против чиновника: финансовая проверка. Ее результат потряс столицу: на строительстве зданий Университета почти не велось никакой документации; Рунич был уволен со всех должностей и в конце июня 1826 г. отдан под следствие⁵¹, которое через 8 лет окончилось предъявлением обвинения в растрате суммы, превышающей весь бюджет университета на 1826 г.⁵²

⁴⁸ Переписка П.И. Кеппена и др. материалы по доносу на него Магницкого в 1825 г. // Петербургский филиал архива РАН. Ф. 30 (Кеппен П.И.). Оп. 1. Д. 503. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Л. 5.

⁵⁰ Магницкий М.Л. Доношение попечителя Казанского округа на издателя «Библиографических листов» г. министру народного просвещения. [1825 г.]. М., 1864.

⁵¹ Высочайший указ от 25 июля 1826 г. // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1827. Кн. 2. С. 10.

⁵² Дело о самовольных и противозаконных распоряжениях исполняющего должность попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Рунича по расходованию денежных средств и ведению хозяйственных операций, на общую сумму 185 133 рублей, и о привлечении его к судебной ответственности // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 21. Д. 13. Л. 39 А – 39 А об.

Несогласие профессора Э.Б. Раупаха с предъявленными ему обвинениями: 1821 г.

Из бумаг архива Рунича видно, что подготовка к «разбору» велась под руководством министра Голицына по крайней мере с ноября 1820 г.⁵³; с министром согласовали даже очередность предъявления обвинений⁵⁴. На «разборе» преподаватели Университета вели себя по-разному: часть молодых (полагая занять освободившиеся после увольнений места) и очень старых (надеясь продолжить службу), поддержала Рунича [10, с. 160]. Балугьянский, Лодий, Д.И. Чижов (1784–1852), А.В. Ржевский (?–1835) и М.Г. Плисов (1783–1853) (трое последних – бывшие студенты двух первых) пытались остановить нападки, ссылаясь на статьи устава университета, но были нейтрализованы хамскими угрозами Рунича. Двое очень молодых профессоров-ориенталистов (Ж.Ф. Деманж (1789 – после 1839) и Ф.Б. Шармуа (1793–1868)), в 1817 г. приглашенные из Франции⁵⁵, не обремененные семьями и воспитанные в европейском понимании законности, покинули университет в конце ноября 1821 г.⁵⁶, возмущенные самой процедурой ведения разбирательства⁵⁷.

Профессор немецкой словесности и всеобщей истории Э.Б. Раупах (1784–1852) на «разборе» несколько раз отказывался отвечать, пока ему не предоставят послужившие основой обвинения отрывки студенческих конспектов и его собственные лекции. От него все-таки добились кратких письменных ответов на поставленные 11⁵⁸ (или 6⁵⁹?) вопросов. Виновным он себя не признал, и ответы его были короче вопросов: «Я учил светской истории, а не системе философской»; «Я не учил тому, что языческие учения являются справедливыми»; «Я не напал на Св. Писание»; «Я не искажал смысл Писания»; «Я не проповедовал материализм»; «Я не учил, что власть Верховная основана на притеснении»⁶⁰. Отстраненному от преподавания Раупаху удалось

⁵³ Письма (34) А.Н. Голицына Д.П. Руничу. Деловые бумаги кн. Голицына // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 95. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 9.

⁵⁵ Об определении в институт проф. Деманжи и Шармуа для преподавания восточных языков // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1756. Л. 1–2.

⁵⁶ Об увольнении профессоров И.Ф. Деманжа и Ф.Ф. Шармуа в связи с их отрицательным отношением к «делу» профессоров А.И. Галича, К.Ф. Германа, Э.В. Раупаха, К.И. Арсеньева // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 20. Д. 254. Л. 1–2.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 97–104.

⁵⁹ Приложения // Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 350–352.

⁶⁰ Там же. С. 100–101.

еще до окончания «разбора» (в июне 1822 г.) получить разрешение вернуться на родину. Хотя его поведение на «разборе» и оценивали как наиболее достойное и независимое, но отъезд трактовали как уклонение от борьбы [3].

Между тем в бумагах Рунича находятся подробные разъяснения Раупаха⁶¹, написанные по-французски на 26 страницах почтового формата. Раупах представил свои объяснения строго по подчиненности, декану историко-словесного факультета университета А.А. Дегурову (1765–1849). Последний доставил их Руничу 22 января 1822 г.⁶² Рукопись Раупаха несет многочисленные следы работы с ней Рунича и была изъята им из бумаг университета.

Почерк и слог текста Раупаха четок и ясен; тон полон достоинства и убежденности в правоте: «Поскольку до сих пор не видно, чтобы мое начальство предоставило мне то, в чем обычно не отказывают ни одному обвиняемому, а именно праве свободно защищать себя и не обеспечило всеми средствами, необходимыми для этой защиты⁶³, я попытаюсь оправдать себя (даже без этих средств) в глазах тех людей, мнению которых я придаю значение, хотя и поплачусь за это. <...> Насколько я знаю, меня обвиняют в двух вещах: 1) умышленном и преднамеренном формировании системы атеизма на моих уроках истории; 2) проповеди принципов, противоречащих благу государства»⁶⁴. Раупах сразу определил свою позицию как преподавателя истории, а не Священной истории, и науку отделял от веры: «Наука есть сумма всех знаний, которые человеческий разум может приобрести посредством использования своих способностей, т.е. не сам по себе. Откровение, напротив, включает в себя все знания, которые человек никогда бы не приобрел своими природными силами, если бы сам Бог не сообщил ему их, и человек их немедленно воспринял. При этом Откровение и науки относятся к совершенно разным сферам...»⁶⁵.

Далее Раупах подробно, от эпизода к эпизоду, пояснил исторические сюжеты, в которых его изложение истории Востока, Израиля и язычников

⁶¹ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 5–18 об.

⁶² Там же. Л. 4.

⁶³ Любопытно, но лишение возможности самозащиты считал недостатком «разбора» и член Комитета министров А.Б. Куракин (1759–1829), но недостатком не коренным, а невыгодным по последствиям: детали «разбора» разглашены «...не только в здешней публике, но и во всей России, и, вероятно, корреспонденция передана в другие государства» (Приложения // Сухомятинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 391–394).

⁶⁴ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 5, перев. с франц.

⁶⁵ Там же. Л. 6.

отличалось от библейских. Оправдывая включение им в свой курс истории языческих народов, Раупах писал, что «невозможно полностью понять историю народа, не зная его религиозных представлений, потому что религия, истинная или ложная, всегда является основой жизни. <...> В самом деле, не странно ли скрывать правду о том, что у других народов были и другие религиозные представления, из опасения, что эта истина нанесет вред христианской религии?»⁶⁶. На обвинения в противогосударственных высказываниях Раупах ответил так: «Признаюсь, я никогда не мог понять, как истинная наука может атаковать государство. Все науки или абстрактны, или основаны на фактах. Если они умозрительны, а их предмет практический, как в случае с моралью, эстетикой, политикой, то они лишь развивают основы, согласно которым разум хочет, чтобы человек таким образом регулировал свою деятельность, достигая идеальной реализации. Так мораль показывает нам идеал нравственной жизни, эстетика – идеал произведения поэзии, пластического искусства и т.д.; а политика – идеал государства»⁶⁷.

В конце своего изложения Раупах подчеркивает, что только свободное развитие науки позволяет достичь ценного результата: «Я не имел дурных намерений, а принципы, которым я следовал, хотя они и являются результатом двадцатилетних исследований и, хотя кажутся мне неоспоримыми, могут показаться начальству невозможными; но они, конечно, не являются принципами атеиста (если есть истинные атеисты) или якобинца. Я следовал им, потому что не знал, что начальство их не одобряет; одного слова, которое кто-нибудь соизволил бы сказать по этому поводу, было бы достаточно, чтобы заставить меня уйти в отставку. Худший из семьи – хозяин своего дома⁶⁸; <...> науки, если только им не предоставлена свобода, о которой я прошу, не могут привести к какому-либо удовлетворительному результату»⁶⁹.

Журнал Главного правления училищ, на содержание материалов которого так горячо реагировал профессор Лодий, и результаты его рассмотрения в Комитете министров в 1826 г. попали в руки нового императора. Получив некоторое практическое представление об организации народного образования при посещении нескольких учебных

⁶⁶ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 13–14, перев. с франц.

⁶⁷ Там же. Л. 17–17 об.

⁶⁸ Затруднительно подобрать русский эквивалент этой французской поговорке. Возможно: «Всяк хозяин в своем доме большой»?

⁶⁹ Письма А.А. Дегурова (De-Giouroff) к Д.П. Руничу // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 114. Л. 18 об., перев. с франц.

заведений столицы, Николай I (1796–1855) констатировал: «с сожалением вижу, что не существует в них должного и необходимого единообразия, на котором должно быть основано как воспитание, так и учение»⁷⁰. Далее император последовал предложению А.А. Перовского (1787–1836) «уравнять все уставы <...> воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям»⁷¹. Тогда же в учебные заведения Министерства народного просвещения были возвращены телесные наказания, отмененные в 1811 г.⁷²

Рунич до конца жизни, начиная с 1827 г., находился под следствием за крупные хищения; его семья получала казенные прожиточные субсидии. В марте 1840 г. у Рунича в сумасшедшем доме умер сын, он просил дополнительные средства на похороны и получил (через своего бывшего патрона Голицына) Высочайшую отповедь: «...его Величество изволил отозваться, что там состоят у начальства суммы на сей предмет, на счет которых и предаются земле тела умирающих; почему и сын ваш погребен будет на сем же основании. С моей стороны сожалею о потере вашей <...> Уверен, что пышные обряды похорон, конечно, сами вы признаете ничтожными, а, напротив, станете молиться о душе страдальца»⁷³.

* * *

Безусловно, контрреформы в системе народного просвещения 1819–1825 гг. оказали негативное влияние как на состояние образования в стране, так и на судьбы попавших в «разбор» студентов, преподавателей и чиновников. Описанные в статье примеры противостояния «разбору» людей разного социального состояния указывают не только на существование в столице общественного мнения, отличного от такового у власть предержащих, но и способов его оглашения. Наиболее известное проявление этого – события 14/26 декабря 1825 г. Перипетии «разбора», обсужденные в статье, также представляются выразительными.

⁷⁰ Высочайший рескрипт, последовавший в 14 день мая 1826 г, на имя министра народного просвещения // Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. 1825. Кн. 2. С. 7–9.

⁷¹ Всеподданейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского о народном просвещении в России // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4698. Л. 6.

⁷² О введении вновь телесных наказаний в учебных заведениях министерства Народного просвещения, отмененных бывшим министром гр. Разумовским // Там же. Д. 4617.

⁷³ Письма (34) А.Н. Голицына Д.П. Руничу. Деловые бумаги кн. Голицына // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 263 (Рунича Д.П.). Оп. 2. № 95. Л. 37–37 об.

Обращение к истории «разбора» Санкт-Петербургского университета позволяет также выявить один из первых примеров использования государственным аппаратом специальных инструментов кампаний осуждения. Тайное изъятие бумаг, клевета и фальсификации для доказательств вины, инструктирование «поддерживающих обвинение», запугивание обвиняемых (вплоть до угроз объявить сумасшедшим, которые были применены в 1821 г.⁷⁴).

Именно в 1821 г. явилась на свет классическая форма массового отключения сознания: «хотя я и не был свидетелем возмутительных поступков..., но согласен с мнением тех, кои почитают оные таковыми»⁷⁵.

И, наконец, в 1821 г. явился и способ общественного противодействия подобным подтасованным обвинениям. Самым ярким и известным примером использования этого способа является запись журналистом Ф.А. Вигдоровой (1915–1965) суда над И.А. Бродским (1940–1996). В 1821 г. запись сделал профессор Плисов, а опубликовал ее много лет спустя его сын⁷⁶ А.М. Плисов (1818–1874).

Библиографический список/References

1. Азизова Е.Н. Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича. Воронеж, 2014. [Azizova E.N. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' D.P. Runicha [Social and political activities of D.P. Runich]. Voronezh, 2014.]
2. Возчиков В.А. «Дело профессоров» или оправдание Рунича // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 75–88. [Vozchikov V.A. "The Case of the Professors" or the justification of Runich. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 2013. No. 1. Pp. 75–88. (In Rus.)]
3. Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн. 2–3. С. 96–111. [Zhukovskaya T.N. "The Case of the Professors" 1821 at St. Petersburg University: New interpretations. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2019. Vol. 161. No. 2–3. Pp. 96–111. (In Rus.)]
4. Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета начала XIX века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. No. 2. С. 13–18. [Zhukovskaya T.N. National groups of professors at St. Petersburg University at the beginning of the 19th century. *Science Journal of VolSU*.

⁷⁴ Дело о С.-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 35.

⁷⁵ Там же. С. 13.

⁷⁶ Там же. С. 7–51.

- History. Area Studies. International Relations.* 2011. No. 2. Pp. 13–18. (In Rus.)
5. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. 1998. Вып. 7. С. 56–74. [Zhukovskaya T.N. Sergey S. Uvarov and the re-establishment of St. Petersburg University. *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 1998. Vol. 7. Pp. 56–74. (In Rus.)]
  6. Зверев В.М. Петр Дмитриевич Лодий // Бюллетень Студенческого научного общества. 1959. Вып. II. С. 28–41. [Zverev V.M. Petr Dmitrievich Lodiy. *Byulleten Studencheskogo nauchnogo obshchestva.* 1959. Vol. II. Pp. 28–41. (In Rus.)]
  7. Зверев В.М. Петр Лодий в истории русской логико-философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1964. [Zverev V.M. Petr Lodiy v istorii russkoy logiko-filosofskoy mysli [Petr Lodiy in the history of Russian logical-philosophical thought]. PhD theses. Leningrad, 1964. (In Rus.)]
  8. История императорской Военно-медицинской (бывшей Военно-хирургической) академии за 100 лет: 1798–1898 / под ред. Ивановского. СПб., 1898. [Istoriya imperatorskoy Voenno-meditsinskoy (byvshey Voenno-khirurgicheskoy) akademii za 100 let: 1798–1898 [History of the Imperial Military Medical (former Military Surgical) Academy for 100 years: 1798–1898]. Ivanovsky (ed.). St. Petersburg, 1898.]
  9. Кучурин В.В. Из истории политической борьбы начала XIX в.: Нереализованный проект масонской реформы М.М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 6–18. [Kuchurin V.V. From the history of the political struggle of the early 19th century: The unrealized project of the Masonic reform of M.M. Speransky. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal.* 2016. No. 3. Pp. 6–18. (In Rus.)]
  10. Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Единым вдохновением. Очерки университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000. [Margolis Yu.D., Tishkin G.A. Edinym vdokhnoveniem. Ocherki universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [One inspiration. Essays on university education in St. Petersburg at the end of the 18th – first half of the 19th centuries]. St. Petersburg, 2000.]
  11. [Плетнев П.А.] Первое двадцатипятилетие Санктпетербургского университета: Ист. зап., по определению Унив. совета, чит. ректором Ун-та Петром Плетневым на публ. торжеств. акте 8 февр. 1844 г. СПб., 1844. [Pletnev P.A. Edinym vdokhnoveniem. Ocherki universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The first twenty-fifth anniversary of St. Petersburg University: Historical notes, according to the definition of University council, readed by Rector of the University Petr Pletnev on public celebrations act 8 Feb. 1844]. St. Petersburg, 1844.]
  12. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Исследование и статьи по русской

литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–270. [Sukhomlinov M.I. Materials for the history of education in Russia during the reign of Emperor Alexander I. *Issledovaniye i stati po russkoy literature i prosveshcheniyu*. St. Petersburg, 1889. Vol. 1. Pp. 1–270. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 06.02.2024, принята к публикации 20.03.2024
The article was received on 06.02.2024, accepted for publication 20.03.2024

Сведения об авторе / About the author

Ирина Михайловна Могилевич – кандидат химических наук; волонтер музея, Вторая Санкт-Петербургская гимназия

Irina M. Mogilevich – PhD in Chemistry; volunteer of the Museum, Second St. Petersburg Gymnasium

E-mail: mmmogilevich@mail.ru